

ной истории Сибири XVIII — начало XX вв. : сб. науч. ст. — Омск : Изд-во ОмГПУ, 2003. — Вып. 4. — С. 4–20.

20. Юрьев В. М. Имперская модернизация России середины XIX и начала XX вв. (к 150-летию отмены крепостного права): эссе / В. М. Юрьев. — Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011.

Информация об авторе

Кальмина Лилия Владимировна — доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, e-mail: kalminal@gmail.com.

Author

Kalmina Lilia V. — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Researcher, History, Ethnology and Sociology Department, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, e-mail: kalminal@gmail.com.

УДК 622.32(571.12-17)(09)

В. П. КАРПОВ

ББК 63.3(2)614

НЕФТЕГАЗОВАЯ СИБИРИАДА: ГЕРОИЧЕСКАЯ ДРАМА В ДВУХ ЧАСТЯХ С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

В статье рассмотрена роль уникальных сибирских месторождений в социально-экономическом развитии государства. Показано взаимовлияние политических и экономических процессов в Западно-Сибирском нефтегазовом регионе и в СССР.

Ключевые слова: Тюмень, Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс, политика, экономика, наука.

V. P. KARPOV

OIL AND GAS OF SIBERIA: HEROIC DRAMA IN TWO PARTS, WITH A PROLOGUE AND EPILOGUE

The article analyses the role of the unique oil and gas siberian fields in social and economic development of the State. Relationship of political and economical processes in the West Siberian oil-and-gas region and in the USSR is demonstrated.

Keywords: Tyumen, The West Siberian oil-and-gas complex, politics, economics, science.

Героики создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) отмечали как лидеры государства [4, с. 38; 18, с. 12], так и непосредственные организаторы тюменского подвига [22, с. 169; 25, с. 585].

О драматизме тюменской гонки свидетельствует начальник Главтюменнефтегаза (в 1965–1977 г.) В.И. Муравленко, знавший лучше, чем кто-либо, какой ценой выполнялись сверхнапряженные планы, диктуемые Москвой [10, с. 84–85].

Существуют разные варианты периодизации создания ЗСНГК [8, с. 7–11]. Выделим в контексте рассматриваемой проблемы два этапа (части) тюменского марафона. Первый — романтический (1964 — середина 1970-х гг.), когда за победными рапортами о стремительном наращивании нефте- и газодобычи в регионе было трудно увидеть будущую драму идей и людей. На втором этапе (середина 1970-х — конец 1980-х гг.) проявились последствия скоростной эксплуатации месторождений без оглядки на производственные и социальные «тылы» ЗСНГК. Первые тревожные звонки прозвучали во второй половине 1970-х, а в начале 1980-х гг. начались срывы в выполнении плановых заданий нефтедобычи. В 1984 г. Главтюменнефтегаз недодал к плану 10,6 млн т нефти, а в 1985 г. нефтедобыча в Западной Сибири упала на 12,7 млн т [8, с. 163]. Если к середине 1960-х гг. открытые тюменские месторождения стали, по свидетельству легендарного Н.К. Байбакова, «спасением» для страны [2, с. 12], то в середине 1980-х гг. нужно было спасать уже саму нефтяную Тюмень.

Изменилось и самочувствие нефтяников, ухудшилась нравственная атмосфера в районах нового промышленного освоения (РНПО). На начальном этапе нефтегазовой сибиряды геологи и нефтяники чувствовали себя первопроходцами, героями, были готовы к лишениям и трудностям. Поколение, пришедшее им на смену в 1970-е гг., оказалось не готовым действовать столь же самоотверженно и находчиво, начало осознавать себя не столько героями, сколько заложниками процесса освоения [6, с. 121]. В обществе нарастала усталость от мобилизационных методов индустриализации Тюменского Севера.

Первый раунд поисков сибирской нефти в 1934–1943 г. не увенчался успехом. Более того, пустые скважины подорвали нефтяную репутацию региона. Важной вехой в истории поиска стал 1934 г., когда к работе на территории края приступил трест «Востокнефть» (базировался в г. Уфа). Технические и финансовые возможности треста, сосредоточенные на работе в Поволжье, были недостаточными для одновременного крупномасштабного поиска в Западной Сибири. Тем не менее, материалы, накопленные к концу 1930-х гг., потребовали усиления нефтеразведки в регионе. В ноябре 1939 г. Наркомат нефтяной промышленности СССР принимает решение «О расширении разведочных работ на нефть в Сибири» [19, с. 52–53], но Великая Отечественная война не позволила в полной мере реализовать поставленные задачи.

Поиски сибирской нефти, почти полностью остановленные в 1943 г., возобновились с 1948 г. Однако к 1953 г. в Сибири не было разведано ни одного месторождения нефти или газа. Убедительным аргументом в

пользу продолжения работ могло стать только открытие месторождения. 21 сентября 1953 г. из опорной скважины Р-1 в пос. Березово Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области впервые в истории геологоразведочных работ в Сибири ударил газоводяной фонтан.

Борьба сторонников и противников Западно-Сибирского нефтегазового проекта была еще впереди. Но открытие в Березово — это самое веское в начале 1950-х гг. доказательство перспективности на нефть и газ изучаемого региона. Оно изменило отношение правительства к тюменским геологам, кратко выросли объемы работ.

Историк М.В. Комгорт настаивает, что при всей значимости открытия Березовского месторождения неправомерно признавать его свидетельством открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции [14, с. 98]. Однако «с геологических позиций, даже если бы в Березово была только одна продуктивная скважина, это все равно открытие и открытие именно провинции. На планете Земля нет ни одного нефтегазоносного бассейна (а их более 300), в котором осадочные породы были бы продуктивными только в какой-то маленькой по площади зоне...» — утверждает известный тюменский геолог А.В. Рыльков [20, с. 99]. Не зря за открытие Березовского газоносного района наиболее активные участники сибирской эпопеи получили высочайшую оценку — Ленинскую премию.

Через 7 лет после фонтана в Березово, 21 (счастлиное число!) июня 1960 г. было открыто первое промышленное месторождение нефти в Сибири — Шаимское. В следующем, 1961 г., ударили нефтяные фонтаны в Мегионе и Усть-Балыке. Если Шаимский район ближе к Уралу, то Мегионское и Усть-Балыкское месторождения — это уже центр Западной Сибири. Нефть мощных и хорошо прослеживающихся меловых отложений Приобья позволила оценить значение всего региона очень высоко. Были созданы реальные предпосылки для открытия в регионе крупнейшей нефтегазоносной провинции — не только в СССР, но и в мире. Впереди были великие открытия: Самотлор, Уренгой, Ямбург, Бованенково и десятки других уникальных месторождений, освоение которых придало новый мощный импульс развитию страны.

Минимум затрат — максимум добычи

23 мая 1964 г. началась промышленная добыча нефти в Западной Сибири. Обустройство промысла на Шаимском месторождении проводилось по временной схеме. Нефть очищали в сепарационных установках, сжигая попутный газ. Добычу и бурение вели при значительном дефиците оборудования, инструмента и запчастей [12, с. 95]. Нигде, ни на одном сибирском месторождении не было выполнено главное требование «Обязательного минимума подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади»: строительство скважин не разрешается без осуществления подготовительных работ, включающих

водоснабжение, подъездные пути, энергоснабжение и средства связи, материально-техническое обеспечение, жилищные, культурно-бытовые и складские объекты, ремонтно-механические базы» [13, с. 21–22].

Главный принцип создания ЗСНГК «минимум затрат — максимум добычи» обусловил практически все проблемы РНПО. Реализация названного принципа вела к формированию психологии временщиков: сегодня взять «легкую» нефть фонтанами, а что за ближайшим горизонтом — не важно. Стремительный взлет нефтедобычи в Западной Сибири был достигнут во многом благодаря интенсивной выработке лучших по качеству и местоположению запасов минерально-сырьевых ресурсов. Так, на территории Ханты-Мансийского округа из почти 500 месторождений нефти и газа всего 12 месторождений в течение 1964–1995 гг. обеспечили 80 % добычи региона [24, с. 31]. Но к началу 1980-х гг. крупнейшие сибирские месторождения прошли свой пик добычи. «То, что катастрофа середины 1980-х гг. рукотворна, понимали все. Западная Сибирь — молодая ресурсная база с колоссальными запасами углеводородов. По всем канонам разработки «заваливаться» ей было рано. Десятки открытых месторождений — а к ним еще даже не притронулись! Конечно, это же не Самотлор...» [22, с. 171]. Падение добычи нефти на основных месторождениях в конце 1970-х гг. привело к необходимости введения в разработку небольших по объему и запасам месторождений. Если в 1964–1975 гг. в разработку было введено только 20 месторождений, то в дальнейшем для поддержания плановых уровней добычи пришлось вводить по 8–9 месторождений ежегодно [23, с. 97].

Экономия от минимизации капиталовложений в ЗСНГК на первом этапе дала быстрый выигрыш, но на втором обернулась колоссальными потерями. Яркий пример — эксплуатация Самотлора, входившего в пятерку крупнейших нефтяных месторождений мира. Если на аналогичных месторождениях за рубежом предпочтение отдавалось длительному комплексному геолого-физическому изучению объектов разработки и компьютерному моделированию технологических процессов перед вводом месторождения в разработку, то при освоении Самотлора все делалось в спешке. Пробная эксплуатация скважин была слишком кратковременной, чтобы провести необходимые исследования. В результате максимальный уровень добычи (155 млн т) продержался всего год (1980). А соблюдение проектной цифры в 130 млн т в год позволило бы эксплуатировать Самотлор на этом уровне, по оценкам специалистов, 19 лет [9, с. 119].

Историки РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина акцентируют внимание на том, что начальник Главтюменнефтегаза определил «с самого начала главный приоритет — темпы» [3, с. 284]. В интерпретации москвичей В.И. Муравленко выступает противником комплексного подхода к освоению природных ресурсов региона. Но про темпы им было сказано в 1965 г., в другом контексте, когда еще не началась тюменская гонка.

В 1970-е гг. В.И. Муравленко активно возражал против форсированных темпов добычи. Однако его предупреждений в ЦК КПСС и правительстве услышать не захотели. Трагедия руководителя сибирских нефтяников в том, что он понимал: самотлорский спринт — это путь к катастрофе, но положить конец губительной политике не мог. Тяжелой оказалась и судьба ближайших соратников и преемников легендарного нефтяника. Они не смогли пережить внутренний конфликт, многие преждевременно ушли из жизни. О грубых нарушениях технологии эксплуатации месторождений предупреждали ученые, но их тоже не услышали. Добыча нефти на Самотлоре на 4 года опережала обустройство промыслов. Не было построено объектов, предусмотренных проектом, почти на 1,5 млрд р. [11, с. 59].

«Спасение» или «проклятие»?

Нередко можно услышать мнение, что тюменский «индустриальный взрыв» надорвал силы народного хозяйства СССР, поглотив львиную долю капитальных вложений в советскую экономику. Звучат утверждения, что в ЗСНГК, как в топке, сгорели огромные финансовые и материальные ресурсы, что комплекс затормозил развитие не только остальной Сибири, но и страны в целом. Об этом пишут как публицисты, так и известные ученые. Например, академик Г.А. Арбатов (2002 г.): «И я, и многие мои коллеги в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов не раз думали, что западносибирская нефть спасла экономику страны..., потом начали приходить к выводу, что одновременно это богатство серьезно подорвало нашу экономику: постоянно откладывались назревшие и перезревшие реформы» [1, с. 315].

Однако давать оценки тому, что было сделано, следует с учетом конкретной исторической обстановки и задач, которые из нее вытекали. Задача создания новой крупной топливной базы на востоке СССР была общенациональной: страна крайне нуждалась в новых источниках энергии.

ЗСНГК отвлекал инвестиции от других крупных проектов истроек, тормозил развитие остальной Сибири и страны? Посмотрим, о чем говорит статистика. В восьмой пятилетке (1966–1970 гг.) объем инвестиций в развитие Сибири вырос в 1,4 раза по сравнению с предшествующим пятилетием, и эта тенденция сохранялась в последующие пятилетки. При этом удельный вес Сибири в общем объеме инвестиций в экономику СССР увеличивался, а Восточной Сибири — не только не рос, но даже имел тенденцию к сокращению. Прирост обеспечивался за счет Западной Сибири, доля которой в общесоюзных капиталовложениях в восьмой пятилетке составила 6,4 %, а в одиннадцатой (1981–1985 гг.) — уже 11,8 %. Рост был обеспечен в основном за счет ЗСНГК. Доля Тюменской области в капвложениях Западной Сибири в 1961–1965 гг. составила 11 %, в 1966–1970 гг. — 24 %, в 1971–1975 гг. — 35 %, в 1976–1980 гг. — 48 %, а в двух последних советских пятилетках — около 60 % [7, с. 53].

Объемы капиталовложений — беспрецедентные для нашей страны. Но они принесли и колоссальный результат. Вложив за годы девятой пятилетки (1971–1975 гг.) в ЗСНГК 25 млрд р., СССР получил эффект в 250 млрд р. За одиннадцатую пятилетку инвестиции удвоились (по сравнению с девятой), отдача возросла до 450 млрд р. [7, с. 54]. Это только финансовая сторона вопроса.

ЗСНГК сыграл стабилизирующую роль не только в социально-экономическом развитии «позднего» СССР, но и в постсоветский период. Несмотря на реформы 1990-х гг., существенно подорвавших национально-государственную безопасность и сами цивилизационные основы российского общества, страна выжила в значительной мере благодаря нефтегазовому комплексу, державшему на плаву отечественную экономику, не давшему рухнуть ей окончательно.

В то же время рост цен на нефть, восстановление страны после потрясений 1990-х гг. и быстрый рост нефте- и газодобычи в РФ привели к самоуспокоенности власти и общества. «Тучные» нулевые годы не были использованы для модернизации самого нефтегазового комплекса и экономики в целом. Ее сырьевой перекос вырос еще больше: 70 % продукции нефтяной промышленности и 30% газа направляются за рубеж. В 2005 г. доходы от поставок нефти, нефтепродуктов и газа за границу составили 60 % всех поступлений от российского экспорта [15, с. 23], в 2010 г. — почти 70 % и эта тенденция сохраняется [16, с. 12, 13].

СССР обеспечивал дешевой нефтью большое число социалистических и развивающихся государств, недополучая при этом огромные суммы нефтедолларов, которые могли бы быть направлены на развитие самой нефтяной и газовой промышленности. Отметим, что в начале 1980-х гг. ежегодные валютные поступления от нефтеэкспорта в СССР достигали, по разным оценкам, от 15 до 24 млрд дол. США [5, с. 71–72; 19, с. 280]. А ведь был еще и экспорт природного газа. В 1993 г. бывший (первый) начальник производственного объединения «Татнефть» А.Т. Шмарев с горечью констатировал: «Отрасль, на которой держалась вся жизнь страны, сама почти ничего не получила для своего обновления и развития... Добро бы те сотни миллиардов долларов (от продажи нефти за рубеж — авт.) мы всем народом прокутили. А то ведь профукали, черт знает, на какие злодейства, Бог ведает, на какие красивые утопии. Как задумаешься над всем этим... Невыносимо!» [5, с. 216]. Действительно, никакого массового поглощения нефтяниками инвестиций не было. Доля капитальных вложений в нефтяную промышленность в 1960–1980-е гг. никогда не превышала 8 % от инвестиций в народное хозяйство в целом. Показатель достаточно скромный. При этом в 1965–1975 гг. — т.е. на этапе создания ЗСНГК — доля капитальных вложений в нефтяную промышленность СССР не выходила за рамки 5 %. «Не излишки финансирования, а его катастро-

фическая нехватка определяла развитие нефтянки», — подчеркивает историк М.В. Славкина [22, с. 143–144].

Чем хуже складывалась ситуация в экономике СССР, тем большая нагрузка ложилась на нефтяников. Центр ставил перед Тюменью все более амбициозные задачи. В 12-й пятилетке (1986–1990 гг.) предприятия ЗСНГК должны были освоить 82 млрд р. — столько же, сколько за предыдущие 20 лет [8, с. 113]. Но как это сделать, похоже, не знали ни в центре, ни в регионе. Предпринятые в годы «перестройки» меры по ликвидации спада темпов тюменской нефтедобычи отражали старую тактику: ввод в эксплуатацию новых месторождений, форсирование темпов отбора нефти на эксплуатируемых месторождениях. Эта тактика не устранила глубинных причин кризиса: ЗСНГК остался на голодном пайке с точки зрения поставок техники и оборудования, катастрофически отставали от темпов добычи производственные и социальные «тылы». В стране нарастала анархия, закончившаяся распадом СССР.

В современной России огромные природные ресурсы страны породили разговоры о ее «ресурсном проклятии», которое мешает как экономической, так и политической модернизации государства. Однако «проклятие» России не в ее природных богатствах, а в неумении разумно распорядиться ими. Уместно вспомнить, что в мире известны разные примеры того, как страны распорядились своими природными богатствами. В Великобритании и Норвегии, например, нефтегазовые доходы пошли на модернизацию экономики, развитие инфраструктуры, науки, образования. А Нигерия, Венесуэла и Мексика «проели» свои богатства. Их путь повторяет современная Россия.

Рисунок форсированного освоения Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции наглядно продемонстрировал, что идеология не должна заслонять здравый смысл, а сиюминутные выгоды — перспективу развития. Сегодня в России другая экономика и другое управление. Но прежние ошибки не изжиты. Сохраняется ориентация на достижение эффекта «экономики от масштаба». В то же время не уделяется должного внимания перспективе нефтегазовой отрасли, геологоразведке, своевременному восполнению запасов.

Казалось бы, диагноз неэффективности экономики «позднего» СССР поставлен, нужно искать новые возможности для «наполнения» понятий «эффективность», «затраты», «рациональное освоение ресурсов», пишет В.А. Крюков. «Но, к сожалению, мы опять ищем «новый Саян» — колоссальные средства и усилия направляются в новые районы на новые гипотетически много обещающие открытия в Арктике и на шельфе. Безусловно, этим надо заниматься, но не менее, если не более, важны условия и среда» (экономические — *авт.*), которые в значительно большей мере способствуют и научно-техническому прогрессу, и экономическому росту государства [17, с. 64].

Список использованной литературы и источников

1. Арбатов Г. А. Человек системы: наблюдения и размышления очевидца ее распада / Г. А. Арбатов. — М. : Вагриус, 2002. — 460 с.
2. Байбаков Н. К. В череде великих свершений / Н. К. Байбаков // Нефтегазостроители Западной Сибири : в 2 кн. / гл. ред. Ю. П. Баталин. — М. : Рос. Союз нефтегазостроителей, 2004. — Кн. 1. Становление. Большая нефть Сибири. Тюменский газовый проект. — 349 с.
3. Бодрова Е. В. Нефтегазовый комплекс в контексте реализации государственной научно-технической и промышленной политики СССР и Российской Федерации (1945–2013 гг.) / Е. В. Бодрова, М. Н. Гусарова, В. В. Калинов, М. Н. Филатова. — М. : ООО «НИПКЦ Восход-А», 2013. — 984 с.
4. Брежнев Л. И. Из отчетного доклада ЦК КПСС на XXV съезде КПСС 9 апреля 1976 г. / Л. И. Брежнев // Материалы XXV съезда КПСС. — М. : Политиздат, 1976. — 256 с.
5. Вахитов Г. Г. Нефтяная промышленность России: вчера, сегодня, завтра. Опыт разработки месторождений углеводородов в 1950–2012 гг. / Г. Г. Вахитов. — М. : ОАО «ВНИИОЭНГ», 2012. — 400 с.
6. Ганопольский М. Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие / М. Г. Ганопольский. — Тюмень : ТюмГНГУ, 1998. — 160 с.
7. Долголюк А. А. Сибирские строители в 1946–1970 гг. / А. А. Долголюк. — Новосибирск : Параллель, 2013. — 520 с.
8. Карпов В. П. История создания и развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / В. П. Карпов. — Тюмень: Изд-во «Нефтегазовый университет», 2005. — 316 с.
9. Карпов В. П. Нефть во внешней политике и торговле Советского Союза в 1960–1980-е гг. / В. П. Карпов, Н. Ю. Гаврилова // Известия вузов. Нефть и газ. — 2002. — № 4. — С. 117–120.
10. Карпов В. П. Сибирский триумф Виктора Муравленко / В. П. Карпов, В. Н. Курятников // Горные ведомости. — 2012. — № 12. — С. 84–90.
11. Карпов В. П. Нефть, политика и научно-технический прогресс / В. П. Карпов // ЭКО. — 2013. — № 9. — С. 51–61.
12. Карпов В. П. Тюменская нефть начиналась в Шаиме (К 50-летию первой тюменской нефти) / В. П. Карпов // Горные ведомости. — 2009. — № 9. — С. 92–95.
13. Карпов В. П. Анатомия тюменского подвига / В. П. Карпов // Родина. — 2012. — № 8. — С. 20–23.
14. Комгорт М. В. Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции / М. В. Комгорт. — Тюмень : Вектор Бук, 2008. — 190 с.
15. Конторович А. В чем ошибки российского ТЭК? / А. Конторович, А. Коржубаев // Нефть России. — 2006. — № 7. — С. 20–23.
16. Коржубаев А. Вслед за подъемом экономики / А. Коржубаев // Нефть России. — 2011. — № 5. — С. 12–14.
17. Крюков В. А. Вместо новых технологий — «новые Самотлоры» / В. А. Крюков // ЭКО. — 2013. — № 9. — С. 62–64.
18. Лигачев Е. К. Подвиг века / Е. К. Лигачев // Нефтяная эпопея Западной Сибири / редкол. : Кроп М. М. и др. — М., 1995. С. 12–30.
19. Нефть и газ Тюмени в документах : в 3 т. Т. 1 : 1901–1965. — Свердловск : Ср.-Урал. кн. изд-во, 1971. — 410 с.
20. Рьльков А. В. История открытия века — Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция / А. В. Рьльков // Горные ведомости. — 2009. — № 4. — С. 98–100.

21. Славкина М. В. Великие победы и упущенные возможности: влияние нефтегазового комплекса на социально-экономическое развитие СССР в 1945–1991 гг. / М. В. Славкина. — М. : РГУ нефти и газа, 2007. — 384 с.

22. Славкина М. В. Валерий Грайфер: Время не ждет / М. В. Славкина. — М. : Центр, 2009. — 302 с.

23. Стась И. Н. Индустриализация Ханты-Мансийского округа как основной фактор развития городов нефтяников во второй половине XX в. / И. Н. Стась // Ойкумена. — 2013. — № 2. — С. 97–105.

24. Экономическое развитие Западной Сибири в XX веке (дискуссионные материалы) / В. В. Кулешов, В. А. Крючков. — Новосибирск : ИЭиОПП СО РАН, 2000. — 360 с.

25. Энергия Ямала: сб. документов и материалов / сост. В. Битюков, А. Брехунцов. — Тюмень : Опцион Холдинг, 2000. — 595 с.

Информация об авторе

Карпов Виктор Петрович — доктор исторических наук, профессор, кафедры истории и культурологии, Тюменский государственный нефтегазовый университет, 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, e-mail: 7654321.58@mail.ru.

Author

Karpov Victor Petrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Tyumen State Oil and Gas University, 38, Volodarsky st., Tyumen, 625000, e-mail: 654321.58@mail.ru.

УДК 94 (571.54)

А.М. ПЛЕХАНОВА

ББК 63.3 (2Р54)

ЗЕМЕЛЬНАЯ АРЕНДА В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В ГОДЫ НЭПА: СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируется опыт советского регулирования земельной аренды в период новой экономической политики; выявляются особенности арендных отношений в аграрном секторе Бурят-Монголии.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, новая экономическая политика, земельная аренда, арендные отношения.

A.M. PLEKHANOVA

LAND RENT IN THE BURYAT-MONGOLIAN ASSR DURING NEP: SOVIET PRACTICE OF REGULATION

The author deals with the experience of the soviet policy in regulation of land rent during New economic policy and identifies features of the lease in the agricultural sector of the Buryat-Mongolia.

Keywords: Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic, the new economic policy, land rent, lease relations.